

Пасхальный архетип в языковых художественных средствах в произведениях А.П. Чехова

Gašljević, Margareta

Master's thesis / Diplomski rad

2020

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:609002>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-12-01**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike

i književnost

Diplomski rad

Пасхальный архетип в языковых художественных средствах

в произведениях А.П. Чехова

Studentica: Margareta Gašljević

Mentorica: dr.sc. Natalija Vidmarović, red.prof.

Ak. Godina: 2019/2020.

U Zagrebu, 15.6.2020.

Sveučilište u Zagrebu

Filozofski fakultet

Odsjek za istočnoslavenske jezike

i književnost

Diplomski rad

Paschal archetype in linguistic artistic means

in texts of A.P. Chehov

Studentica: Margareta Gašljević

Mentorica: dr.sc. Natalija Vidmarović, red.prof.

Ak. Godina: 2019/2020.

U Zagrebu, 15.6.2020.

Содержание

I. Введение.....	1
II. Краткая история христианства.....	2
III. Православие и Пасха.....	2
IV. Пасхальный архетип и пасхальность	4
V. Пасхальный рассказ.....	6
VI. Пасхальность в рассказе «Студент»	7
VII. Пасхальность в рассказе «Вор»	12
VIII. Пасхальность в рассказе «Архиерей».....	15
IX. Пасхальность в рассказе «Казак»	21
X. Заключение	25
XI. Литература.....	27

I. Введение

Культура какой-то страны или какого-то народа — это термин, который содержит в себе социально-общественные ценности, их практику, а также знание и идеи, которые передаются из поколения в поколение через обучение. Культура, кроме того, подразумевает обычаи, язык и литературу определённой группы, искусство и религию. Значение слова *культура* происходит от латинского глагола *colere*, которое обозначает *обрабатывать землю*, т.е. изменять природу в интересах людей. Другое значение появилось позднее — «совершенствовать, почитать». (Захарова: 48) Поэтому можно сказать, что «культура — это все, что создано руками и разумом человека». (Захарова: 48) Современные понятия *Восток* и *Запад* различаются в том, как понимается отношение и связь с природой и окружающим миром. На Западе человек стремится «подчинить и использовать природу» (Степин: 111), а на Востоке человек относится к природе с уважением, бережливо, как часть природы. Кроме этого, Восток и Запад отличаются вероисповеданием, т.е. на Востоке появилось православие, а на Западе католицизм. Поэтому, неудивительно что православная вера оказала огромное влияние на культуру и жизнь русского народа после крещения Руси в 988 году князем Владимиром Святославичем. Помимо всего прочего православие оказало большое влияние на словесность в виде возникновения совершенно нового жанра пасхального рассказа, корни которого можно увидеть в проповеди митрополита Илариона в XI веке. Именно в этой проповеди появились библейские мотивы, события и образ повествования, которые стали архетипами в русской литературе. Это значит, что литературные произведения нередко соотносили с идейным посылом и ценностными оппозициями *Слова*. Такие произведения, соответствующие (в большой или меньшей степени) *Слову*, принадлежат жанру пасхального рассказа, пик которого был в 80-х годов 19-го столетия. Один из самых известных авторов таких рассказов — Антон Павлович Чехов. Именно в этой работе я покажу самые важные особенности проповеди *Слова о Законе и Благодати*, которые будут отражены в произведениях Чехова. Также я опишу, что такое пасхальный рассказ и кратко представлю историю его возникновения. Затем я проведу анализ рассказов А.П. Чехова и попытаюсь определить, какие пасхальные мотивы появляются в этих рассказах. Кроме того, я покажу, как события внутри рассказов связаны с библейскими эпизодами и что Чехов имел в виду, когда писал эти рассказы, что хотел сказать читателю через их посредство.

II. Краткая история христианства

Христианство – самая распространенная мировая религия, которая существует уже две тысячи лет в виде христианской церкви. Это монотеистическая религия, чье центральное место занимает учение о Пресвятой Троице (Бог-Отец, Сын и Святой Дух) и искуплении человечества, которая возникла на учениях Иисуса Христа. Христианство зарождалось во время Римской империи, которая «ко времени возникновения этой религии объединила в своих пределах все страны Европы, Азии и Африки, расположенные вокруг Средиземного моря» (Розенталь: 4). Самым центральным местом возникновения христианства была маленькая страна Иудея, которая в этот период находилась под властью Римской империи. Жители этой страны принадлежали к иудейской религии и, «томясь под жестоким игом римских императоров, иудеи страстно ожидали нового освободителя и верили, что сам бог пошлет им своего "помазанника", или, по-еврейски, Мессию» (Розенталь: 5). Ожидаемый Мессия появился в личности и проповедничестве Иисуса Христа, который вокруг себя собрал учеников и объявил о спасении и искуплении грехов. После смерти Иисуса его ученики начали просвещать разные народы и распространять учение Иисуса, которое проникло в средиземноморские страны. Многие ученики основали церкви в разных странах, как, например, св. Петр в Антиохии, св. Павел в Малой Азии, на Кипре, в Греции и Македонии, и т.д. Благодаря тому, что Римская Империя имела хорошо развитую дорожно-торговую сеть, христианство постепенно проникло в Галлию, Германию, Британию, Испанию, Африку, Персию и т.д. (Смирнов: 41). Принятие христианства влияло на повседневную жизнь и культуру жителей разных стран. Кроме того, в течение многих столетий появилось множество религиозно-философских систем, а сегодня христианство разделено на четыре основные группы, т.е. церкви: католическую, православную, евангелическую и англиканскую.

III. Православие и Пасха

Официально начало христианства в России было положено киевским князем Владимиром Святославичем в 988 году, когда произошло крещение всей Руси. После принятия христианства русским народом, в 1051 году произошло разделение Церкви на церковь западную или римско-католическую и церковь восточную или православную (Смирнов: 232). Разделение произошло, потому что «явилось взаимное анафематствование легатов римского папы Льва IX (в тот момент уже покойного) и константинопольского патриарха Михаила Керуллария» (Федоров: 669). Во время

церковного разделения в состав православной церкви вошли некоторые славянские народы, в том числе русский. Каждое вероисповедание оказывало и еще оказывает глубокое воздействие на жизнь и культуру определённого народа, в том числе и русского: «Однако в той же мере, в какой допустимо говорить о национальных характерах, культурах, традициях, допустимо говорить и о том, что эти характеры, культуры, традиции прорастают и расцветают в религиозной жизни народов, образуют ее неповторимую специфику» (Федоров: 11). Выражение *культура народа* обычно включает историю, обычаи, быт, а также литературу какого-то народа. Поэтому вполне понятно, что во многих литературных произведениях разных стран мира упоминаются символы и мотивы христианства и воплощаются события, описанные в Библии, но уже в новом контексте. В рамках же самого христианства у каждого инославного вероисповедания есть свои святые, храмы и церковные праздники. Есть общехристианские праздники, такие, как Рождество, Пасха, Вознесение и т.п. Но вместе с тем, Рождество стало главным праздником в западных христианских церквях, где делается акцент на рождение Иисуса Христа, т.е. приход Мессии в мир людей. Можно сказать, что временная ориентация на будущее характерна для западных христианских церквей, а одновременно ориентация на вечность и Пасху характерна для восточных церквей.

Центральная идея православия была спасение и «идея *Theosis'a*, обожения человека и всего тварного мира» (Федоров: 392), т.е. процесс воссоздания образа Бога в человеке. Обожение достигается именно спасением, просветлением и преображением твари: «Поэтому центральным праздником в жизни православной церкви является праздник Пасхи, Светлое Христово Воскресение» (Федоров: 392). Пасха – праздник в честь воскресения Христа из мёртвых и, соответственно, главный акцент делается на преображении человека в будущем мире – в вечности. Об этом писал о. Александр Мень: «после смерти физического тела человек весь не умирает», а «некое духовное его ядро сохраняется» (Захарова: 31). Это значит, что бессмертие души – одна из главных характеристик православия и поэтому не удивляет факт, что Воскресение Христово — это самое большое торжество: «День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека» (Гоголь: 357). Как следствие, в русской литературе придавалось серьёзное и глубокое, а иногда и символическое значение описанию Пасхи. Духовная, торжественная природа этого праздника требовала от писателей писать так, чтобы их произведения были достойны этого праздника.

IV. Пасхальный архетип и пасхальность

Начало христианской традиции в русской литературе и русской словесности вообще – Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона. Христианская традиция в русской литературе продолжалась до Февральской революции в 1917 г., когда начинается многолетняя репрессия христианской традиции внутри Российской республики и СССР. Слово Илариона было произнесено «либо перед пасхальной утренней службой, либо же в первый день Пасхи» (Есаулов: 8) в середине XI века. Слово – краеугольный камень последующей русской литературы, потому что в нём появляются разные образы и мотивы, а также способ повествования, которые многие авторы приняли и ввели в свои произведения. Можно сказать, что Слово стало своего рода ориентиром в русской литературе.

Композиция Слова состоит из трех частей, тема произведения сужается от «общего к частному, от общих вопросов мироздания к частным его проявлениям, от универсального к национальному, к судьбам русского народа¹». Слово о Законе и Благодати говорит о русской земле, кагане Владимире и князе Ярославе. К этим темам Иларион в произведении добавляет библейские параллели, как, например, противопоставление Ветхого и Нового завета, т.е. Закона и Благодати. Митрополит Иларион в *Слове* противопоставляет *Закон - Благодати*, о которой писал апостол Павел в своих Посланиях. В этом противопоставлении закон не истина, а тень: «Он один, творящий чудеса, положил Закон на предуготовление истине и Благодати; да обыкнет в нем человеческое естество, от многобожия идольского уклонясь, в единого Бога верить» (Иларион: 39). В произведении Иларион в образах Закона и Благодати противопоставил иудаизм и христианство: «Но сперва Он указал путь племени Авраамову Законом на скрижалях, а после Сыном своим все народы спас, Евангелием и крещением вводя их в обновление послебвтия – в жизнь вечную» (Иларион: 37-38). Такими словами обозначен ветхозаветный период жизни человечества и его переход от политеизма к монотеизму, который начался с пришествием Иисуса Христа. Также в этом произведении Иларион сопоставил Закон с тенью, ночью, луной, холодом, и одновременно сравнил благодать с солнцем, днём, теплотой. Митрополит Иларион далее делает акцент на эту оппозицию пересказом ветхозаветной истории об Агари, рабыне Авраама, и его жене Сарре: «Прошли годы, вот видит Сарра Измаила, сына Агарина,

¹ Мокеева Арина, В чём основная идея "Слова о Законе и Благодати" Киевского Митрополита Илариона? [электронный ресурс] <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2014/06/28/sochinenie-v-chyom-osnovnaya-ideya-slova-o-zakone-i> (дата обращения 15.6.2020)

играющего с сыном своим Исааком, и как обижен был Исаак Измаилом, сказала Аврааму: «Отринь рабыню, и с сыном ее, не может наследовать сын рабыни. Лишь сын свободной» (Иларион: 47). Здесь сравниваются Исаак, свободный сын, и последователи христианства с Измаилом, сыном рабыни, и иудеями. Митрополит Иларион подчеркивает, что Закон появился до благодати так же, как Измаил родился до Исаака.

Такая оппозиция – сравнение прошедшего и настоящего стало продуктивным способом повествования в русской литературе. К этому можно добавить сравнение библейских событий в Иудее с событиями на Руси и её крещением. Такое отношение временных и пространственных взаимосвязей Бахтин назвал *хронтопом*. Далее, оппозиция Закона и Благодати, христианства и иудаизма, тьмы и света, ложного и истинного стали продуктивными мотивами в последующей русской литературе, а также стали универсальными для православия и это, возможно «в значительной степени определяет духовное своеобразие русской культуры в целом» (Есаулов 1995: 28). Символическое толкование Библии стало одним из методов повествования в произведениях русской литературы, особенно в пасхальных рассказах.

Слово о Законе и Благодати также образует основу понимания пасхального архетипа. Выражение *пасхальный архетип* включает литературные явления, «как пасхальный мотив (в русской словесности становящийся лейтмотивом), пасхальный сюжет, пасхальный хронотоп, особый жанр пасхального рассказа» (Есаулов 2001: 44). Проповедь митрополита Илариона начинается цитатой из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин 1, 1) и «ибо закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли через Иисуса Христа» (Ин 1,17). Именно Евангелием от Иоанна начинается церковный год, который открывается днём Пасхи, что является одной из связей Слова с Пасхой, и, следовательно, с пасхальным архетипом. Кроме того, проповедь произнесена в первый день Пасхи, что можно связать с пасхальным сюжетом, в котором какие-то события происходят во время Пасхи или во время церковного пасхального цикла. В пасхальном сюжете, кроме поверхностного повествования, появляется вторичный компонент, т.е. библейская доминанта. Другими словами, события ссылаются на ветхозаветный и/или новозаветный компоненты, в виде противопоставления или соотношения. Всё это я покажу на примере Антона Павловича Чехова и его художественных произведений. Кроме пасхального сюжета, мотива и хронотопа, к пасхальному архетипу относится и пасхальный рассказ, один из жанров русской литературы.

V. Пасхальный рассказ

В русской литературе имеется не только большое число пасхальных мотивов, образов и сюжетов, но и появился даже новый жанр – жанр пасхального рассказа. Для анализа рассказов Чехова необходимо, прежде всего, определить, что такое пасхальный рассказ и представить историю его создания. Пасхальный рассказ – это рассказ, в котором прежде всего говорится о преображении души человека, как следствии чуда Воскресения Христова. Духовное преобразование человека в таком рассказе описывается как его повторное рождение и воскресение через принятие евангельских истин. Этот жанр связан не только с Пасхой, но и с праздниками всего Пасхального цикла. Главные герои, которые появляются в пасхальных рассказах, разнообразны, но порой они поляризованы и ими могут быть блудница и святой, то есть грешник и праведник. Эти герои «находят окончательную истину и узнают "самое важное": оно определяется верой» (Капустин). Для того, чтобы рассказ считался пасхальным, ему нужны две характеристики – время действия должно соотноситься с Пасхальным циклом, а само повествование иметь поучительное содержание, иначе «без этих ограничений если не все, то многое в русской литературе окажется пасхальным» (Захаров).

Каким образом возник жанр пасхального рассказа? Началом пасхального рассказа считается перевод с английского языка на русский произведения «Рождественская песнь в прозе» Чарльза Диккенса. В 1844 году А.С. Хомяков перевел это произведение и сделал его русским: «перенес место действия в Россию, дал героям русские имена, подробно разработал русский "колорит", но главное – заменил Рождество Пасхой, что изменило смысл повести» (Захаров). Перевод был опубликован в журнале «Репертуар и пантеон» в 1844 году и получил успех в читательской среде. Начиная с 80-ых годов 19-го века, жанр пасхального рассказа распространился в русской литературе. Он отразился в творчестве таких писателей, как А. Чехов, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Н. Лесков, И. Бунин и многих других.

В жанре пасхального рассказа каждый писатель мог выразить своё отношение к православной традиции. А. Чехов вступил в сложное отношение к жанру, потому что потерял свою веру ещё в юности: «...религии у меня теперь нет. Знаете, когда, бывало, я и два моих брата среди церкви пели трио "Да исправится" или же "Архангельский глас", на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками» (Капустин). С другой стороны, Чехов, воспитанный в православной семье с традиционными ценностями, всё-таки писал пасхальные рассказы, но он отказался от чудесного и сверхъестественного и попытался

найти своё особенное повествование. Рассказы Чехова философичны, и главные идеи и мысли их выражаются в соответствии с православным вероучением. В основе рассказов лежит глубокое духовное содержание, хотя это не всегда кажется таким сначала. В этой работе проанализируем несколько рассказов на тему пасхальности – «Студент» (1894 г.), «Вор» (1883 г.), «Архиерей» (1902 г.) и рассказ «Казак» (1887). Мотивы и образы пасхальности в этих рассказах будут отражаться различно.

VI. Пасхальность в рассказе «Студент»

Пасхальный рассказ «Студент» - одно из самых известных произведений автора. Впервые читая этот рассказ, кажется, что у него нет сложного сюжета. Чехов пишет о студенте Иване Великопольском, который возвращается домой из Духовной академии и размышляет о смысле жизни. По пути он встречает двух вдов, которым повествует о том, как апостол Пётр трижды отрекся от Иисуса Христа. После рассказа студент прощается с вдовами и продолжает путь к себе домой. Речь идёт об одном коротком событии из жизни героя - реальное время, которое проходит от начала до конца рассказа, составляет лишь несколько часов. Хотя описывается небольшой и случайный разговор, эта встреча не только центральное событие рассказа, но она наполнена глубоким духовным значением, соотносящимся с Пасхой. Только при внимательном вычитывании на основе анализа становится заметным, что у Чехова на самом деле нет простого сюжета, но весь рассказ пронизан символами и указаниями на библейские события.

Уже в первых строках рассказа Чехов изображает картину холодного вечера в деревенской местности: «Но когда стемнело в лесу, некстати подул с востока холодный пронизывающий ветер, все смолкло. По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неуютно, глухо и нелюдимо» (Чехов, Студент). Угрюмая, мрачная и холодная погода как бы отражает мрачные мысли студента. Он думает, что всё в мире плохо и никогда не изменится: «...все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдёт ещё тысяча лет, жизнь не станет лучше» (там же). Этим безрадостным вечером Иван Великопольский возвращался домой из академии и проходит по глухой отдалённой местности: «Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно. Только на вдовьих огородах около реки светился огонь; далеко же кругом и там, где была деревня, версты за четыре, все сплошь утопало в холодной вечерней мгле» (там же). Иван встречает двух вдов – мать Василису и дочь Лукерью. Из их разговора мы узнаем, что календарное время – Страстная неделя, под Пасху: «Он посмотрел кругом на потемки, судорожно встряхнул головой и спросил: - Небось была на двенадцати евангелиях? - Была – ответила Василиса» (там же). В этой

цитате уточняется, что действие рассказа происходит после службы двенадцати Евангелий или Великого Четверга, на которой вспоминаются страдания Христа – Тайная вечеря, молитва Христа в Гефсиманском саду и последующее отречение апостола Петра. Именно это отречение апостола Петра и станет центральным событием рассказа.

Студент Иван начинает пересказывать евангельский рассказ и приводит слова апостола Петра. Пётр во время тайной вечери сказал Иисусу, что готов с ним идти в темницу и на смерть. Однако Иисус ответил Петру: «истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мф. 26:34). Благодаря этому пересказу библейского эпизода словно осуществляется сопоставление библейских и современных событий, удаленных во времени, т.е. связывается прошедшее и настоящее: «Иисуса стали допрашивать, а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Пётр и тоже грелся, как вот я теперь» (Чехов, Студент). Именно в топосе *огня* разделяются и одновременно соединяются библейские и современные события. В рассказе слово *огонь* (и в том числе *костёр*) упоминается 12 раз, т.е. 8 раз в *этом* настоящем времени повествования, и 4 раз в *том* прошедшем времени. Топос *огня* соединяет студента Ивана и апостола Петра: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, - сказал студент, протягивая к огню руки» (там же), а разделяет апостола Петра и Иисуса, потому что Пётр трижды отрекся от Иисуса находясь около огня: «И все работники, что находились около огня, должно быть, подозрительно и сурово поглядели на него, потому что он смутился и сказал: "Я не знаю его"» (там же). Здесь видно, что работники в библейское время принадлежат пространству внутри топоса *огня*, а работники в настоящее время в начале рассказа находятся вне топоса *огня*: «Слышались мужские голоса; это здешние работники на реке поили лошадей» (там же). После повествования студента Ивана о апостоле Петре эти работники входят в топос *огня*: «Работники возвращались с реки, и один из них верхом на лошади был уже близко, и свет от костра дрожал на нем» (там же).

Другой топос, который связывает студента Ивана и апостола Петра – топос *пути*. В начале рассказа студент Иван возвращался домой, когда встретил вдов и подошел к их огню. Одновременно и апостол Пётр шёл вслед за Иисусом, а когда оказался около огня и работников, в конце отказался от Иисуса. Иван и Пётр после этих событий пошли дальше: «Студент пожелал вдовам спокойной ночи и пошел дальше» (там же), т.е. «и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери...вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал» (там же). Вновь

начиная путешествие, Иван и Пётр покинули топос *огня* и продолжают топос *пути*. Размышляя позднее о разговоре со вдовами, студент приходит к выводу – а это подводит читателя к важнейшей мысли этого рассказа, – что, если произошедшее веками назад имеет какое-то отношение к обоим вдовам, значит, прошедшее «связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого» (там же). На этой линии времени связанными воедино оказываются лики и персонажи Евангелия с героями *Студента*.

Повествование об отречении апостола Петра произвело огромное впечатление на вдов Василису и Лукерью. Василиса заплакала, а Лукерья смутилась, услышав, что Пётр трижды отрекся от Иисуса. Слезы Василисы в свою очередь взволновали студента, ощутившего, что они суть отражение, видимый образ чего-то невидимого, появившегося в душе Василисы. Другими словами, в её душе протекала скрытая внутренняя духовная работа, ибо, с одной стороны, Василиса глубоко сочувствовала с Христом и Его страданиями. С другой же, её слёзы стали проявлением ощущения своей собственной греховности, которое предшествует покаянию. И эти слёзы Василисы не одиноки – ведь когда Пётр в третий раз отрекся от Иисуса после того, как петух трижды пропел, Пётр покаялся и также горько заплакал. Как Пётр плакал в саду: «Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...» (там же), так плакала вдова Василиса: «Продолжая улыбаться, Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез» (там же). Пасха делает акцент не только на смерти Христа, на том, что Сын Божий умер, чтобы взять на себя грехи человечества, но и особо подчеркивает, что Христос победил смерть и открыл путь к обновлению человека. Поэтому Смерть и воскресение Христа означает преображение души – смерть прежней греховной жизни и рождение нового духовного человека. Хотя прошло две тысячи лет от смерти Христа и искупления грехов, слова Христа и его жизнь преображают новые человеческие души новых поколений людей. Именно это подчеркнуто автором в слезах Василисы.

Следует обратить внимание и на значение имени Василиса – «царственная» или «властительница». Это значение соотносится с библейским именем Марфа «госпожа» или «хозяйка». Вторая вдова Лукерья, дочь Василисы, в своём значении «сладкая» сопоставляется с библейской Марией и значением этого имени – «горькая». Подобно тому, как Василиса и Лукерья угостили студента Ивана, так и в доме Марфы и Марии, сестёр Лазаря, останавливался Иисус Христос. Различный характер сестёр можно узнать из следующей евангельской цитаты: «Марфа же заботилась о большом угощении и,

подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне» (Лк 10:40). В то время, как Марфа старалась угодить и лучше услужить гостю, её сестра Мария сидела у ног Иисуса и слушала Его слова. Иисус ответил Марфе, что Мария права, потому что нужно только одно, - оставив хлопоты о повседневном, слушать поучения Христа. Именно это Иисус подчеркивал в своем учении, говоря, что человек не будет «жить одним только хлебом, но каждым словом Божиим» (Лк 4:4). Соответственно, развитие человеческого духа и духовные ценности важнее временных и материальных ценностей, как, например, приготовление еды. Эта мысль подчеркнута также и в образах двух вдов, как простых женщин из народа. Они, может быть, не понимают смысла этого на каком-то высшем духовном уровне, но ощущают сердцем. Сердце в Священном Писании не биологический орган, но выступает центром *внутреннего Я*, с помощью которого человек открывается перед Богом: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1 Петр 3: 3-4). Другими словами, сердце - место устремления мысли и ощущений, которые в конце приводят человека к покаянию и преобразению его души. В образах Василисы и Лукерьи проводится параллель с библейским повествованием о Марфе и Марии, и тем самым подчеркивается вневременность и внепространственность евангельского слова.

Мотив еды упоминается трижды в этом рассказе, а такое повторение в библейском контексте у Чехова является одним из пасхальных мотивов. Первый раз, когда студент, возвращаясь домой, вспомнил своих родителей: «(...) его мать, сидя в сенях на полу, босая, чистила самовар, а отец лежал на печи и кашлял; по случаю страстной пятницы дома ничего не варили и мучительно хотелось есть» (Чехов, Студент). Страстная или великая пятница начинается с утрени или уже упоминавшейся службы двенадцати евангелий, которая совершается в течение всей ночи с четверга на пятницу. Именно такой мотив - образ является в Василисе и Лукерье, когда они мыли посуду после службы двенадцати евангелий: «(...) ее дочь Лукерья, маленькая, рябая, с глуповатым лицом, сидела на земле и мыла котел и ложки. Очевидно, только что отужинали» (там же). В конце мотив еды упоминается в библейском времени: «Если помнишь, во время тайной вечери Петр сказал Иисусу: «С тобою я готов и в темницу, и на смерть» (там же).

Одновременно, надо обратить внимание и на символический образ двух вдов. Вдовы Василиса и Лукерья в рассказе представляют русский народ и его страдания, о

котором постоянно размышлял студент Иван. Однако, хотя русский народ столетиями страдал и будет страдать, его духовный мир никогда не сломается, потому что люди в большинстве своем живут в соответствии со словом Божиим и православными ценностями. Поэтому, несмотря на то что в начале рассказа духовное настроение студента угрюмо и сумрачно, в конце повествования оно полностью меняется. После встречи с вдовами студент понял, что вся жизнь связана непрерывной цепью событий, наполненных особым пасхальным смыслом. То есть, точно так же, как Василиса и Лукерья связаны с Марфой и Марией, так и все события взаимосвязаны и настоящее вытекает из прошедшего, что он на деле в живом общении понял и прочувствовал. И всё то, что умирает, имеет реальный шанс на воскресение и вечную жизнь. Поэтому в конце рассказа студента Ивана наполнило счастье и «жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (там же), в чем, собственно, и проявляется наиболее ярким образом пасхальность.

Состояние студента, которое меняется в течение рассказа, подчеркнуто и состоянием природы. В начале рассказа описывается суровая природа – холодный ветер, ледяные иглы, от которых мерзнут пальцы студента, а в конце холод преодолевается, причем не только с наступлением весны и пробуждением природы, но и с предчувствием грядущего воскресения – Пасхи. Поэтому у студента рождается в душе радость, чувство молодости, силы, здоровья и счастья. Автор еще упоминает два вида птиц – дрозда и вальдшнепа: «Кричали дрозды, и по соседству в болотах что-то живое жалобно гудело, точно дуло в пустую бутылку. Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело» (там же). Именно птицы в христианской символике обозначают душу человека, поэтому можно сказать, что Чехов в начале рассказа однозначно подчеркивает начало пути для души студента к преображению. Продолжая эту мысль, автор сопоставлением суровой, холодной природы и её пробуждения, образует своего рода мотив восхождения, т.е. духовный путь студента, «когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря» (там же). Здесь Чехов указывает на незавершенность пути несовершенным видом глагола *подниматься*, который «свидетельствует о пространственной незавершенности духовного пути, вектор которого (но не результат!), несомненно, паломничество к Пасхе» (Есаулов 2: 151). Таким образом, в рассказе Чехова и отражается главная мысль Воскресения Христова – преображение человеческой души.

VII. Пасхальность в рассказе «Вор»

Пасхальный рассказ «Вор», написанный в 1883, одно из самых ранних произведений А.П. Чехова. Сюжет «Вора» не сложен, так же, как и сюжет «Студента». В рассказе «Вор» речь идёт о Фёдоре Степановиче, который в ночь под Пасху встречает свою возлюбленную Ольгу, из-за которой он когда-то совершил воровство и заплатил за это ссылкой. Однако он слышит от неё, что она приехала в город не к нему, а к другому человеку по имени Барабаев, также вору, которого главный герой знает из времени их ссылки. Эти события указывают читателю на библейские параллели – историю об осуждении Иисуса Христа и его распятии.

Время действия рассказа Чехова сразу вовлекает читателя в особый мир повествования, хотя рассказ строится вроде бы как обычная зарисовка из уголовной истории. В «Воре», как и в предыдущем рассказе, в начале изображается картина холодной ночи: «Пробило двенадцать. Федор Степаныч накинул на себя шубу и вышел на двор. Его охватило сыростью ночи... Дул сырой, холодный ветер, с темного неба моросил мелкий дождь» (Чехов, Вор). Мы сразу узнаем, что действие разворачивается в каком-то отдаленном российском городе: «А улица широкая, что твоя площадь; редки в Европейской России такие улицы. Ни освещения, ни тротуаров...даже намеков нет на эту роскошь» (там же). Сам автор в рассказе непосредственно не отмечает, что действие происходит под Пасху, но мы это узнаем из замечаний Фёдора Степаныча. Время действия - полночь Страстной Субботы. Пасхальная заутреня начинается ровно в полночь пением, которое продолжается и за пределами храма. Священство и народ выходят из храма со свечами и идут вокруг церкви торжественным крестным ходом под непрерывный колокольный перезвон: «Далеко впереди него мелькали огоньки. Потухая и вспыхивая, они двигались по одному направлению. /.../ От огоньков несся звон. Колокола-тенора заливались всевозможными голосами и быстро отбивали звуки, точно спешили куда-нибудь» (там же).

В эту ночь под Пасху Фёдор встречает двух человек - доктора Гурия Иваныча и Барабаева, ссыльного: «Христос воскрес, Гурий Иваныч! – остановил доктора Фёдор Степаныч. Доктор молча пожал ему руку и отпахнул кусочек шубы, чтобы похвастать перед ссыльным петличкой, в которой болтался "Станислав": «– А я, доктор, после заутрени хочу к вам пробраться» (там же). Однако доктор, до того времени общавшийся с ним, именно в эту ночь Пасхи, которая знаменует преображение человека, отказывает ссыльному, что вызывает его негодование: «А Барабаев? — проговорил Федор Степаныч, кривя рот и желчно ухмыляясь. — Барабаева со мной вместе судили, вместе

нас выслали, а между тем он у вас каждый день обедает и чай пьет. Он больше украл, вот что» (там же). Интересно, что эта встреча тоже напоминает библейское событие, когда Иисуса осудили на распятие: «На праздник же Пасхи правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели. Был тогда у них известный узник, называемый Варавва; итак, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву, или Иисуса, называемого Христом? ибо знал, что предали Его из зависти. Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву. Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят» (Мф. 27:15-26). И действительно, даже имена героев «Вора» до некоторой степени соотносятся с именами – или по крайней мере с одним именем участника событий из приведенной цитаты, но специфически, с отрицательными коннотациями. Имя Фёдор греческого происхождения и обозначает «дарованный Богом» или «Божий дар», а Варавва – «сын отца». Сын Божий пострадал на кресте от зависти народа, и Фёдор Степаныч в рассказе тоже страдает и как будто духовно, однако не от сознания своей вины, но потому, что Барабаев украл больше, а всё-таки общество его приняло в свои ряды. Как Понтий Пилат позволил народу осудить на смерть невинного человека, так и Ольга, из-за которой Фёдор пошел на преступление и украл деньги, обещала ему пойти с ним в Сибирь, но обещания не сдержала. Более того, «На суд разодетой явилась и ни разу не взглянула даже... Смеялась, когда защитник острил... Убить мало» (Чехов: Вор).

После этой встречи Фёдор возвращается домой, где «над его кроватью висела клетка с птицей» (там же). Птица в христианской культуре является символом человеческой души, и интересно, что её внешний вид соотносится с состоянием души Федора. Чехов описал птицу как странную, Фёдору неизвестную, и «Крылья у нее подрезаны, на голове повывраны перья. Кормят ее какой-то кислятиной, от которой воняет на всю комнату. Птица беспокойно возилась в клетке, стучала носом о жестянку с водой и пела то скворцом, то иволгой» (там же). Такая же «непонятность» и «разорванность» царит и в душе Федора. Он не знает и не понимает самого себя, его душа беспокойна, поскольку совесть его нечиста. Как написано в Библии: «Как клетка, наполненная птицами, дома их полны обмана; чрез это они и возвысились и разбогатели, сделались тучны, жирны, переступили даже всякую меру во зле, не разбирают судебных дел, дел сирот; благоденствуют, и справедливому делу нищих не дают суда» (Иер. 5:27-28), - что можно отнести в равной степени и к Федору, и к его окружению. Фёдор лежал под клеткой у края кровати, и если птица обозначает состояние души Фёдора, то не

удивляет, что птица ему не даёт спать. Его мучат угрызения совести, и его беспокойная душа наполнена нехорошими чувствами.

Однако, что же скрывается за этим беспокойством? Интересно было бы обратиться к эпизоду из Евангелия от Матфея, в котором Иисус разговаривает со своим учеником: «Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа, велел ученикам отплыть на другую сторону. Тогда один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. И говорит ему Иисус: лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф 8:18-20). Но что же это значит? «Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел» — это слова безграничной преданности одного из учеников, который прервал молчание, последовавшее после упрека Иисуса. Мы ожидали бы, что Иисус ответил бы ученику одобрительно, но его ответ стал совершенно неожиданным. И только контекст показывает нам путь понимания. Сын Человеческий, который не имеет, где приклонить голову, это Мессия, отвергнутый обществом на пути в Иерусалим. Это Сын Божий, который имеет мощь исцелять и изгонять бесов, но поскольку Он Сын Человеческий, то в отличие от лисиц и птиц, не имеет, где спрятаться от своих врагов. Ученику, который хочет следовать за Иисусом, Иисус хочет сказать, что у него нет иного сокровища, кроме креста, на котором Он собирается приклонить свою голову, т.е. умереть, чтоб потом воскреснуть.

Таким образом, если Фёдор, подобно всем людям, к которым обращено христианское слово, действительно ученик Иисуса Христа, то крест будет неотъемлемой частью его жизненного пути; местом, где сможет склонить голову в самых тяжёлых ситуациях (тем более, что его выгоняют в конце из дома). Это символизирует и пасхальный крестный ход, описанный в начале рассказа. Тем не менее, в отличие от героев предшествующего рассказа, в душе Фёдора нет места покаянию и преображению. Фёдор не покался за воровство, а наоборот, он жалеет, что не украл больше, как Барабаев. Именно эта мысль порождает в его душе зависть и гнев, которые грызут его до самого конца рассказа. И бездомным он оказывается не из-за своих страданий, но за убийство невинной птички, на которой срывает свою злость и досаду. Состояние Федора Чехов дополнительно подчеркивает описанием погоды: «Дождь лил весь день, и не показывалось солнце» (там же). В душе Фёдора нет спокойствия, и каждое воспоминание о прошлом сводится к воспоминаниям о молодой зелени, палисаднике и его домике, в котором находится стол с куличами и закусками. Он всегда в своих воспоминаниях возвращается к уютной жизни с Ольгой, ради которой он стал вором. Фёдор не осознал

свои грехи и не раскаялся и потому для него Пасха – не Торжество торжеств, но просто один из праздников, возможность закутить и повеселиться.

Интересно, что Ольга - общий знаменатель прошедшего и настоящего в жизни Федора, т.е. можно сказать, что хронотоп в этом рассказе выражен через Ольгу, которая связывает прошедшие и настоящие события в жизни главного героя Федора. Этот факт сознает в мыслях Федор: «Не будь ли Оли, не был бы он *здесь*» (Чехов: Вор). Топосу *здесь* противопоставляется топос далекого *там*. Когда Федор просил доктора Гурия Иваныча принять его после заутрени, вспомнилось именно это *там*: «Там теперь под ногами не грязный снег, не холодные лужи, а молодая зелень; там ветер не бьет по лицу, как мокрая тряпка, а несет дыхание весны...Небо там темно, но звездное, с белой полосой на востоке...» (там же). Чехов противопоставляет теплое, молодое, приятное *там* и холодное, темное, мрачное *здесь*. Это соответствует образу жизни Федора, прошедшее для его было мирным, прекрасным, теплым и полным любви, а настоящее холодно, мрачно и бесцельно. Эта бесцельность ощущается в конце рассказа, который остается незавершенным: «До самого вечера шатался ссыльный по городу и искал квартиры. Дождь лил весь день, и не показывалось солнце» (там же). Если в рассказе *Студент* главный герой *поднимался* в топосе пути, здесь, в этом рассказе главный герой бродит по улицам. Не ощущается движение к чему-то высшему, духовному, читатель вместе с героем двигается по кругу, без всякой цели, от квартиры до квартиры. Незаконченность рассказа характерна для Чехова, который выражает эту незаконченность и в третьем рассказе *Архиерей*, где она показана по-другому.

VIII. Пасхальность в рассказе «Архиерей»

Рассказ «Архиерей» - один из поздних рассказов А.П. Чехова, который считается его шедевром. Рассказ был опубликован в 1902 году, за два года до смерти Чехова. Название рассказа «Архиерей» намекает на главного героя – архиерея Петра и его жизненные фрагменты в течение Страстной недели, начиная с субботы под Вербное Воскресенье. В течение этой недели архиерей Петр исполняет свои церковные обязанности, встречает свою мать и племянницу, а также принимает нищих и бедных с их просьбами. Архиерей выполняет свои обязанности в ущерб своему здоровью и в конце рассказа умирает под Пасху. Как и в первых двух рассказах, читателю очень трудно понять содержание рассказа при первом чтении. Понять смысл можно посредством сравнения двух времени повествования – реального времени рассказа и библейского времени. А.П. Чехов разделил рассказ на четыре части, которые описывают

последовательно ночь перед Вербным Воскресением, Вербное Воскресение, Великий Вторник и Великий Четверг.

В этом рассказе на поверхности не описываются библейские события, но очерки из жизни архиерея Петра в пасхальное время, которое одна из основных характеристик пасхального рассказа. Реальное, настоящее время смешивается с прошедшим, в тех моментах, когда архиерей вспоминает о своем детстве и юности, а также путешествии за границу. Кроме этих двух времен повествования, в глубине присутствует и третье время повествования, которое не видно на первый взгляд. Это время – время Иисуса и его жизни и деяний. Так, читатель уже в первых строках рассказа узнаёт реальное время и место действия повествования: «Под вербное воскресение в Старо-Петровском монастыре шла всенощная» (Чехов, Архиерей). Мы сразу узнаём, что действие происходит в Москве в пасхальное время, а реальное время повествования продолжается в течение одной недели. Вербное Воскресение – христианский праздник торжественного входа Иисуса Христа в Иерусалим. В этот праздник все люди идут в церковь с вербами, основа чего коренится в обстоятельствах самого события входа Иисуса Христа в Иерусалим. Люди, держащие вербы и пальмовые ветви в своих руках, приветствовали Иисуса: «На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали; «осанна» благословлен грядущий во имя Господине, Царь Израилев!» (Ин 12, 12-13). Образ пальмовых и вербных ветвей связывает два повествования, т.е. прошедшее (библейское) и настоящее время. Во время входа Иисуса в Иерусалим люди перед ним полагали пальмовые ветви, а в этом рассказе (как и в православной традиции) верующие принимают вербы от архиерея. Особенность вербы – она развивается и остаётся целой, независимо от того, сколько ветвей отрезают. Согласно этой особенности, верба – знак победы жизни над смертью (Малинин). В конце рассказа архиерей умирает в своей постели, а жизнь всё-таки продолжается: «На главной улице после полудня началось катанье на рысаках, - одним словом, было весело, всё благополучно, точно так же, как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем» (Чехов, Архиерей). Продолжение повседневной московской жизни, своего рода пасхальное чудо - победа жизни над смертью, а точно так было во время Иисуса. Интересно, что после смерти Иисуса его мать Мария и апостолы распространяли христианство по всей стране и далее за ее пределами. Наоборот, Марии Тимофеевне, матери архиерея, никто не верил когда она рассказывала о своем сыне: «И только старуха, мать покойного, которая живет теперь у зятя-дьякона, в глухом уездном городишке, когда выходила под вечер, чтобы

встретить свою корову, и сходилась на выгоне с другими женщинами, то начинала рассказывать о детях, о внуках, о том, что у нее был сын архиерей, и при этом говорила робко, боясь, что ей не поверят...» (там же). Здесь Чехов делает акцент на событиях после смерти Иисуса и архиерея Петра. После смерти Иисуса его учения продолжают действовать его учеников, а смерть архиерея не оказалась потрясением для других как событие.

Службу перед Вербным Воскресением служили в Старо-Петровском монастыре, который находится в Москве, а он был основан святителем Петром в XIV веке. Пётр был митрополитом Киевским и всея Руси (Аксючиц-Лаушкина). Митрополит Пётр перенес кафедру в Москву, с переносом которой город стал возвышаться как церковный и государственный центр Руси. Интересно обратить внимание на то, что митрополит Киевский и всея Руси, и архиерей в рассказе – Пётр. Здесь видна параллель между митрополитом и архиереем, а также с библейским апостолом Петром. Пётр был апостолом, который после смерти Иисуса распространял христианство. В Римско-католической церкви, считается, что апостол Пётр был основателем Римской церкви и стал её первым папой. Апостолу Петру имя дал Иисус от прозвища *Кифа* (арам.) или *Petros* (греч.), которое означает *камень* (Сазонова). Как апостол Пётр был *краеугольным камнем* христианской церкви, так и митрополита Всея Руси можно считать *камнем - основанием* духовной жизни в Москве. В том же контексте архиерей Пётр также может считаться *камнем* веры прихожан этого монастыря, так как он был духовным *отцом* верующих. Несмотря на это, архиерей в своей душе чувствует неуверенность. Он сомневается, хороший ли он архиерей, добрый ли он пастырь своему стаду: «— Какой я архиерей? — продолжал тихо преосвященный. — Мне бы быть деревенским священником, дьячком... или простым монахом... Меня давит всё это... давит...» (Чехов, Архиерей). На архиерея налагают тяжестью все обязанности, ему хотелось бы быть где-то, где жизнь легка и проста: «Кажется, жизнь бы отдал, только бы не видеть этих жалких, дешевых ставень, низких потолков, не чувствовать этого тяжкого монастырского запаха» (там же). Несмотря на его желание, в рассказе чувствуется, что он был предназначен для архиерея от начала времени и его семьи: «Отец его был дьякон, дед — священник, прадед — дьякон, и весь род его, быть может, со времен принятия на Руси христианства, принадлежал к духовенству, и любовь его к церковным службам, духовенству, к звону колоколов была у него врожденной, глубокой, неискоренимой; в церкви он, особенно когда сам участвовал в служении, чувствовал себя деятельным, бодрым, счастливым» (там же). Архиерей Петр знал, что его жизнь недолговечна, что он

только одна из многих точек на временной шкале. Чувствуется, что все время повествования, от времени Иисуса до детства, юности и в конце смерти Архиерея, связано воедино: «Это первое евангелие "Ныне прославился сын человеческий" он знал наизусть; и, читая, он изредка поднимал глаза и видел по обе стороны целое море огней, слышал треск свечей, но людей не было видно, как и в прошлые годы, и казалось, что это всё те же люди, что были тогда, в детстве и в юности, что они всё те же будут каждый год, а до каких пор — одному Богу известно» (там же). Далее читая рассказ, читатель узнает, что весь рассказ описывает внутреннее состояние архиерея и его мысли. Его мысли выражают, что прошедшее может найти свое отражение в настоящем, что время не является прямой линией, а переплетенной линией, в которой находятся взаимосвязанные события.

Следующий образ, на который надо обратить внимание, а который также связывает два плана повествования – слёзы. Итак, в храме ощущается торжественная атмосфера, полная эмоций: «На душе было покойно, всё было благополучно, но он неподвижно глядел на левый клирос, где читали, где в вечерней мгле уже нельзя было узнать ни одного человека, и – плакал» (там же), и «Вот вблизи еще кто-то заплакал, потом дальше кто-то другой, потом еще и еще, и мало-помалу церковь наполнилась тихим плачем» (там же). Эти слёзы - еще один намёк на апостола Петра, который отрекся от Иисуса: «И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: "прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня". И, выйдя вон, плакал горько» (Мф 26:75). Может быть, эти слёзы символ воспоминания об отречении апостола Петра, который повторяется каждый год во время Пасхи от начала христианской веры. Именно это коллективная память христиан, которая видна в слезах не только архиерея, но всех присутствующих в этот момент в храме. В Великий Вторник, во время вечерней службы, архиерей вспомнил свое детство, почувствовал душевный покой: «уносился мыслями в далекое прошлое, а детство и юность, когда также пели про жениха и про чертог, и теперь это прошлое представлялось живым, прекрасным, радостным, каким вероятно, никогда и не было» (там же) и ещё раз заплакал. Он считал, что в жизни постиг всё, что было доступно в его положении, но всё-таки ему не хотелось умирать. В рассказе видно, что детство и церковь архиерею представляют душевный покой. Видно, что сегодняшняя жизнь ему стала обидной и он в своем роде потерял свою жизненную цель. Может быть, он чувствовал, что его жизнь находится перед концом и эта мысль беспокоила его.

В храмовых сумерках было душно и жарко, а архиерей Петр устал: «Дыхание у него было тяжелое, частое, сухое, плечи болели от усталости, ноги дрожали» (Чехов,

Архиерей), что можно понять как намёк на распятие Иисуса. Распятие, как форма казни, было очень болезненно, неприятно: «Вес тела, опускающего руки, делает дыхание чрезвычайно трудным», а кроме того «сердце и легкие перестали бы работать, поскольку кровь истекала через раны» (Жа). Архиерей не умер в муках, как от распятия, а от брюшного тифа, т.е. от кровотечения из кишок. Его смерть не прогремела в обществе и не вызвала какие-либо знаменательные природные изменения, как вызвала смерть Иисуса: «И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли» (Мф 27:51-52). Смерть архиерея потрясла только его мать, а все остальные люди продолжали жить, как и до этих пор. Именно образ его матери Марии можно найти в образе другой Марии, матери Иисуса. Эти две Марии связывают два плана повествования – настоящее время и скрытое, замкнутое повествование – библейские события, точнее картины из жизни Иисуса Христа. Мария Тимофеевна приехала в Москву, чтобы встретиться со своим сыном, архиереем Петром. Она не присутствовала в жизни своего сына последние девять лет: «будто в толпе подошла к нему его родная мать Мария Тимофеевна, которой он не видел уже девять лет» (там же). Несмотря на то, что она не существовала в жизни своего сына с его детства, всё-таки она была рядом с архиереем в последние дни его жизни. Параллельно с этим, Мария, мать Иисуса Христа, редко упоминается в Священном Писании после того, как Иисус вырос и ушёл из своего дома детства. Она вновь упоминается в последние дни жизни Иисуса, а также была у его ног, когда Иисус последний раз вздохнул на кресте.

Возвращаясь в Панкратиевский монастырь, в котором он жил, архиерей Пётр вспомнил свое детство и родное село Лесополье: «Скрип колес, бляенье овец, церковный звон в ясные, летние утра, цыгане под окном, - о, как сладко думать об этом» (там же). Также вспомнил священников лесопольских, отца Симеона, Демьяна и Матвея Николаича. Они не были хорошим примером и не имели особого духовного влияния на учеников в этом селе. Отец Симеон не знал Священного Писания: «как-то попович обозлился на кухарку и выбранил ее: "Ах ты, ослица Иегудиилова!", и отец Симеон, слышавший это, не сказал ни слова и только устыдился, так как не мог вспомнить, где в Священном Писании упоминается такая ослица». Отец Демьян часто пьянствовал «до зелёного змия» и поэтому его прозвище было Демьян-Змеевидец. Третий из них, Матвей Николаич, также пьяница и неуч: «а под ним надпись на латинском языке, совершенно бессмысленная – *betula kinderbalsamica secuta*», фраза, которая составлена из слов: *betula* (лат.) — береза, *kinder* (нем.) — детская, *balsamica* (лат.) — исцеляющая, *secuta* (лат.) —

секущая. Несмотря на плохих учителей в его детстве, он вспоминал их с удовольствием. Кроме своих духовных учителей архиерей вспомнил, как чудесно обращалась к нему его мать: «Когда в детстве или юности он бывал нездоров, то как нежна и чутка была мать (там же)». Такой способ обращения потерялся с годами, ибо Пётр и его мать жили в отдаленных местах и не часто посещали друг друга. Между ними возник своего рода разрыв, потому что его мать не знала, можно ли обращаться к Петру, как к своему ребенку, или надо обращаться к нему, как к архиерею. Наконец, считая архиерея Петра важным церковным лицом, его мать начала обращаться к нему с уважением, не допуская самой себе нежные слова, как в его детстве. Петр не понимал, почему его мать обращалась к нему так, как только к архиерею, а не как к сыну, и почему нет таких теплых слов, как в детстве: «Он смотрел на мать и не понимал, откуда у нее это почтительное, робкое выражение лица и голоса, зачем оно, и не узнавал ее» (там же). Его мать также не знала, как относиться к сыну: «И несмотря на ласковость, с какою она говорила это, было заметно, что она стеснялась, как будто не знала, говорить ли ему ты или вы, смеяться или нет, и как будто чувствовала себя больше дьяконицей, чем матерью» (там же). В течение недели архиерею стало обидно, что его мать с чужими людьми держала себя просто и обыкновенно, а с ним говорила редко, а когда они разговаривали, то ощущалось какое-то расстояние между ними. Такой способ обращения изменился, когда архиерей лежал в постели, находясь при смерти. В те моменты Мария Тимофеевна снова стала обращаться к своему сыну, как в детстве, как к возлюбленному сыну: «Увидев его сморщенное лицо и большие глаза, она испугалась, упала на колени пред кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки. И ей тоже, почему-то, казалось, что он худее, слабее и незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного» (там же). Интересно, что не только его мать стеснялась, не зная, как обращаться архиерею, а также люди рядом с ним: «Не мог он никак привыкнуть и к страху, какой он, сам того не желая, возбуждал в людях, несмотря на свой тихий, скромный нрав» (там же). Пётр в это время находился за границей, в какой-то приморской стране: «Вспомнилась преосвященному белая церковь, совершенно новая, в которой он служил, живя за границей; вспомнился шум теплого моря» (там же). Как архиерей Петр, так Иисус со своими учениками однажды отправился в Гадаринскую страну, находящуюся вблизи Галилеи. Там Иисус повелел нечистому духу выйти из какого-то человека. Люди, которые увидели, что случилось, ужаснулись и разбежались: «И просил Его весь народ Гадаринской окрестности удалиться от них, потому что они объята были великим страхом. Он вошёл в лодку и возвратился» (Лк 8,

37). Страх, отчуждение и расстояние - мотивы, которые связывают жизнь Иисуса с жизнью архиерея.

Вечером архиерей не мог заснуть и ночью позвал отца Сисоя: «Не спится мне, - сказал преосвященный, садясь. – Нездоров я, должно быть» (Чехов, Архиерей). После этого отец Сисой смазал архиерея свечным салом. Зная конец рассказа, в котором умирает архиерей, мы можем сказать, что это событие напоминает библейское событие помазания Иисуса: «И когда Он был в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, - пришла женщина с алавастровым сосудом мира из нарда чистого, драгоценного и, разбив сосуд, возлила Ему на голову» (Мк: 14, 3) и «Она сделала, что могла: предварила помазать тело Мое к погребению» (Мк: 14, 8). На другой день, перед сном, отец Сисой смазал его салом: «Сисой снял с него рубаху и стал натирать ему грудь и спину свечным салом» (Чехов, Архиерей). Видно, что помазание еще один из пасхальных мотивов, которые связывают Иисуса и Петра, прошедшее и настоящее время. Имя Мессия обозначает помазанника, а самое помазание обычно проводилось при возведении монахов на престол или посвящении священников в сан. В Великий четверг он служил службу, а после этого к архиерею пришла его племянница Катя и просила его подать немножко денег, потому что её мать и она остались одни. До этого в рассказе всех просящих он слушал, не обращая на них особого внимания, т.е. Чехов не описывал эти события подробно, а лишь только перечислял их, указывая, что всё это давило архиерея. Как уже упоминалось, Пасха и пасхальное время – это период, в котором все люди чувствуют, что принадлежат одному единству, независимо от возраста, класса, происхождения, их прошлого, грехов и т.д. В этом рассказе нет такого единства, нет такой пасхальной милости. Когда племянница Катя пришла к архиерею Петру, она вошла в его комнату, в его личное, интимное пространство. Архиерей Петр слушал, что говорила Катя, как умерли её брат и отец, что у неё и матери нет никаких денег. Петр пообещал ей, что после Пасхи всё будет решено, но в конце не решилось, потому что архиерей умер. Чехов конец рассказа оставил открытым для читателя, чтобы именно читатель задумался над событиями. Если жизнь одного человека оканчивается, это не значит, что жизнь других людей тоже заканчивается, т.е. время всё-таки проходит. В архиерее отражается образ Иисуса Христа, так как архиерей и Иисус умерли, когда исполнили свою цель. Таким образом, Пасха - время смерти и новой жизни, время избавления человечества и физического мира. Смертью Иисуса начинается вечная духовная жизнь, умирает прежняя греховность человека и рождается новый духовный человек.

IX. Пасхальность в рассказе «Казак»

Последний рассказ, который я проанализирую в этой работе – «Казак», написанный в 1887 г. В рассказе речь идет о Максиме Горчакове, который на Пасху ехал из храма вместе со своей женой. Они на дороге встретили казака, который попросил их уделить кусок освященного кулича, потому что был усталым и больным. Максим, не задумываясь, хотел уделить кусочек кулича, но этому воспротивилась его жена. В этом рассказе главное событие - встреча казака и Максима вместе с его женой, также, как и в рассказе «Студент», в котором студент Иван встретил двух вдов. И все-таки эти библейские параллели отличаются в этих двух рассказах. Встреча казака и Максима напоминает библейскую встречу какого-то человека, попавшего в беду, и милосердного самарянина.

Как и в предыдущих рассказах, мы с самого начала узнаем, что действие происходит во время Пасхи: «Арендатор хутора Низы Максим Торчаков, бердянский мещанин, ехал со своей молодой женой из церкви и вез только что освященный кулич» (Чехов: Казак). Освящение кулича совершается по окончании Великого Поста в праздник Пасхи. Реальное время, которое проходит от начала до конца рассказа занимает всего один день, в котором изменилась вся жизнь Максима Торчакова к худшему, приведя к пьянству. Рассказ начинается с пасхального утра: «Солнце еще не всходило, но восток уже румянился, золотился» (там же), а заканчивается: «Утром на другой день праздника он захотел опохмелиться и опять напился» (там же). Такая перемена жизни главного героя видна и в описании природы, и в духовной сфере Торчакова. В начале рассказа описание окружающей природы соответствует внутреннему миру Максима Торчакова. Природа была тиха, спокойна, солнце золотилось: «На востоке, крася пушистые облака в разные цвета, засияли первые лучи солнца; послышалась песня жаворонка» (там же), а Максим одновременно ощущал жизненный оптимизм: «На что бы он ни взглянул, о чем бы ни подумал, всё представлялось ему светлым, радостным и счастливым» (там же) и «Думал он о своем хозяйстве и находил, что всё у него исправно, домашнее убранство такое, что лучше и не надо, всего довольно и всё хорошо; глядел он на жену — и она казалась ему красивой, доброй и кроткой. Радовала его и заря на востоке, и молодая травка, и его тряская визгливая бричка, нравился даже коршун, тяжело взмахивавший крыльями» (там же). Такой оптимистичный взгляд на жизнь соответствует православному представлению о том, что Пасха является наиболее важным событием в восточном христианстве. Время Пасхи — это время милосердия, любви, время, когда прощаются все человеческие грехи, и подчеркиваются единство и

единение, особенно когда все сидят за столом и делят друг с другом еду. Этому противопоставляет Чехов конец рассказа, когда все изменилось. Природу автор уже не упоминает, только внутреннее состояние души и мысли Торчакова: «Он всё чаще и чаще напивался. Когда был пьян, то сидел дома и шумел, а трезвый ходил по степи и ждал, не встретится ли ему казак...» (там же). Учитывая, что православная Пасха всегда отмечается весной, этот праздник может быть понят как точка, в которой зима и холод исчезают, а природа начинает пробуждаться. Митрополит Иларион так же сравнил тьму и свет в Слове о Законе и Благодати: «Как отошел свет луны, когда солнце воссияло, так и Закон – пред Благодатью явившейся. И стужа ночная побеждена, солнечная теплота землю согрела» (Иларион: 49). Такие библейские намеки продолжают во всем рассказе в виде сравнения со Словом или Библией.

По пути домой Максим с женой встретили казака среди дороги. Казак сидел на кочаке, а одновременно его лошадь «стояла неподвижно и нюхала землю» (там же). Усталый и больной казак попросил Максима и его жену кусочек кулича: «Вы бы, православные, дали мне, проезжему, свяченой пасочки разговеться!» (там же). Максим, не думая, сразу достал кулич и начал искать ножик. В этом моменту жена Торчакова сердито сказала, что не надо давать, потому что: «Надо порядок знать. Это не булка, а свяченая паска, и грех ее без толку кромсать» (там же). На первый взгляд, читатель может понять, почему жена Торчакова настаивала на том, чтобы куличом разговелись и ели его дома – традиционно в православии кулич раздавался членам семьи и близким людям. С другой стороны, Пасха – это праздник, традиционно понимаемый в православии как время, когда человек помогает человеку, независимо от его богатства, социального положения, возраста и т.п. Поэтому читателю удивительно, что Максим не выразил свое недовольство, а послушал ее, извинился перед казаком и продолжил дорогу домой. Идя дальше, Торчаков думал о встрече с казаком, и вскоре его совесть начала гореть, и он больше не чувствовал пасхального оптимизма и радости. Приехавши домой «христосовались с работниками; Торчаков опять повеселел и стал разговаривать, но как сели разговляться и все взяли по куску свяченого кулича, он невесело поглядел на жену и сказал: — А нехорошо, Лизавета, что мы не дали тому казаку разговеться» (там же). Топос пути и встречи напоминает рассказ Студент, а также Священное Писание, когда какой-то человек, шедший из Иерусалима в Иерихон, попал к разбойникам. Разбойники этого человека изранили и оставили едва живым. Мимо него прошли священник и левит, а третий человек, самарянин, сжалился над ним и «перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нём» (Лк,

10: 34). Максим пожалел, что оставил казака посреди дороги и проснулся среди ночи и «завернул в салфетку кусок кулича и пяток яиц и пошел в сарай к работникам» (Чехов: Казак). Он попросил одного из работников поехать навстречу казаку и отдать ему кулич и яиц. Прошло несколько часов и когда работник еще не вернулся, Максим сам поехал навстречу казаку и работнику. На дороге встретил только работника, который сказал, что не видел казака. Максим узнал, что в деревне также не видели больного казака с лошадьёю и тогда решил вернуться домой. Максима, как верующего человека, это событие обеспокоило: «Я всё думаю: а что ежели это Бог нас испытать хотел и ангела или святого какого в виде казака нам навстречу послал? Ведь бывает это. Нехорошо, Лизавета, обидели мы человека!» (там же). Здесь появляется еще одна библейская параллель, точнее эпизод из Священного Писания перед распятием Иисуса Христа, т.е. во время крестного пути Иисуса, когда Симон Кириянин помог Иисусу нести крест. Хотя Максим сожалел, что не помог казаку, его жене не было жалко. Она была убеждена, что поступила правильно и сохранила кулич для семьи; она еще подумала, что казак пьяный. С этого момента Максим и его жена стали ссориться, их связь стала разрушаться как их дом: «Лошади, коровы, овцы и улы мало-помалу, друг за дружкой стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой... Все эти напасти, как говорил Максим, произошли оттого, что у него злая, глупая жена, что Бог прогневался на него и на жену... за больного казака. Он всё чаще и чаще напивался. Когда был пьян, то сидел дома и шумел, а трезвый ходил по степи и ждал, не встретится ли ему казак...» (там же). Именно здесь видна мысль о том, что все плохое в жизни верующего появляется из-за Божьего гнева за то плохое, что человек совершил в жизни. Наоборот, Иисус говорил о милосердии, т.е. что доброе возвращается к тому, кто показывает милосердие к другому человеку. В этом рассказе противопоставляются божьи гнев и милосердие Иисуса, что напоминает противопоставление Старого и Нового Завета в Слове о Законе и Благодати митрополита Илариона.

В этом рассказе заметно еще одно противопоставление – значение имени Максима Торчакова и его характера, т.е. поступков. Имя Максим «имеет латинское происхождение и в переводе означает *величайший*»². Одновременно фамилия Торчаков происходит от слова *тор* – «передний угол внутренней части дома, место для глубоко

² Значение имени Максим [электронный ресурс] <https://kakzovut.ru/names/maxim.html> (дата обращения 2.3.2020)

почитаемых гостей»³, т.е. можно сказать, что фамилия Торчаков имеет значение «достойный почета». Значение его имени и фамилии может заставить читателя думать, что Максим Торчаков - очень важная личность, которой суждено многого достичь в своей жизни, что он является богатым, уважаемым лицом в каждом событии, а также своим характером подает пример другим, как вести себя в частной и деловой жизни. События в этом рассказе поставили Торчакова на совершенно другой путь. Отказ в помощи казаку - начало нищей, пьяной и несчастливой жизни. Именно казак – пункт в рассказе, в котором изменилось мнение Максима о своей жене. До этого события Максим считал, что у него самая добрая жена, они не никогда ссорились. Все изменилось после того, как он увидел, как его жена плохо относится к нуждавшимся людям: «— Да что ты ко мне с казаком пристал? — крикнула Лизавета, выходя из терпения. — Пристал, как смола! — А ты, знаешь, недобрая... — сказал Максим и пристально поглядел ей в лицо. И он впервые после женитьбы заметил, что его жена недобрая» (там же). Видно, что конец истории почти ироничен, если вспомним, что Пасха – время прощения человеческих грехов. Максим Торчаков считал, что это было неправильно, что он не показал милосердие к казаку и помог ему. Максима мучило угрызение совести и гнев, он не простил себе и жене их грехов, что полностью противоречит пасхальной проповеди, которую он, конечно, слушал прошлой ночью в храме.

Х. Заключение

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона стало образцом повествования для многих литературных произведений русской литературы, а особенно в пасхальных рассказах. В данной работе мы сосредоточились на пасхальных рассказах Антона Павловича Чехова. В его произведениях видна связь со *Словом* на многих уровнях. Один из этих уровней – время события, т.е. настоящее время, как время повествования, и прошедшее, как библейское время. Кроме времени повествования *Слово* сопоставляет библейских лиц с личностями русской истории. Так же, как митрополит Иларион противопоставил прошлое и настоящее, старое и новое, так и Чехов противопоставил прошлое в виде библейских событий с настоящим, в лице героев этих рассказов и коротких очерков из их жизни. Кроме того, Чехов в своих пасхальных рассказах часто упоминает разные мотивы, которые стали *топосом*, т.е. ощущаются как

³ *Что значит твоя фамилия* [электронный ресурс] https://vk.com/topic-102840047_33421446 (дата обращения 2.3.2020)

связь между настоящим повествованием и библейским прошедшим повествованием. В этих рассказах чаще всего является *топос* пути, встречи, слёз и огня.

Евангельские истины, о которых должен напомнить читателям пасхальный рассказ, Чехов описывает на повседневных примерах, близких читателю. Чехов повествование своих рассказов заканчивает открытым финалом: «Каждое действие я оканчиваю как рассказы: все действие веду мирно и тихо, а в конце даю зрителю по морде» (Горнфельд: 459). В его повествовании всегда есть ощущение незаконченности. Как сказано в Екклесиасте «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9). Время течет, несмотря на события, несмотря на Фёдора Степаныча, Ивана Великопольского, архиерея Петра и Максима Торчакова. В рассказах ощущается драматизм жизни, доминирует внешний сюжет над внутренним, но всё-таки событий немного. Описывается несколько маленьких эпизодов, которые можно интерпретировать через библейские события в контексте пасхальности как возможности преображения собственной души, т.е. существуют два уровня жизни – повседневная жизнь и библейская жизнь как назидание. У Чехова нет легких решений, а читатель должен сам найти ответ на поставленный вопрос на основании евангельских истин. В «Студенте» Пасха воспринимается как время года, в котором подчеркивается преображение человека во имя новой жизни - вечности, наполненной радостью и надеждой. С другой стороны, в «Воре» нет покаяния и преображения души. Пасха в этом рассказе воспринимается не с духовной стороны, а с чисто внешней и физической. В «Казачке» Чехов показал, как внешний мир может плохо повлиять на внутренний, духовный мир человека. В рассказе «Архиерей» видны внутренний, духовный мир митрополита, а также физический мир. Эти два мира в «Архиерее» связаны, так как без человеческого тела нет человеческой духовности. Архиерей в конце умирает, думая, что постиг в жизни всё, что ему надо было постигнуть. В этом отражается образ и учение Иисуса Христа, который умер, достигнув своей земной цели. Именно об этой разнице, духовной и физической и их смысле во время Пасхи, как вершине православия, А.П. Чехов говорит своим читателям.

Литература

- Аксючиц-Лаушкина, В. В. *Высокопетровский во имя святителя Петра, митрополита московского, мужской монастырь* [электронный ресурс] <http://www.pravenc.ru/text/161083.html> (дата обращения 19.9.2019)
- Гоголь, Н. В. (2012) *Выбранные места из переписки с друзьями*. Москва: Эксмо.
- Есаулов, И. А. (1995) *Категория соборности в русской литературе*. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета.
- Есаулов, И. А. (2004) *Пасхальность русской словесности*. Москва: Кругъ.
- Захаров, В.Н. *Пасхальный рассказ как жанр русской литературы*. [электронный ресурс] <http://www.portal-slovo.ru/philology/37163.php> (дата обращения 23.6.2019)
- Иларион, митрополит (2011) *Слово о Законе и Благодати*. Москва: Институт русской цивилизации.
- Јһа, А. *How did crucifixion kill?* [электронный ресурс] <https://www.theguardian.com/science/2004/apr/08/thisweekssciencequestions> (дата обращения 19.9.2019)
- Капустин, Н. В. *Чехов и религия*. [электронный ресурс] https://lit.1sept.ru/view_article.php?ID=200900313 (дата обращения 23.6.2019)
- Малинин, протиерей Анатолий. *Ветви вербы – это знак победы жизни над смертью*. [электронный ресурс] <https://www.pravmir.ru/vetvi-verby-eto-znak-pobedy-zhizni-nad-smeryu/> (дата обращения – 19.9.2019)
- Чехов, А.П. *Студент* [электронный ресурс] <http://ilibrary.ru/text/979/p.1/index.html> (дата обращения 23.6.2019)
- Розенталь, Николай Николаевич (1955) *Христианство, его происхождение и сущность*. Москва: Знание.
- Сазонова, Л. И. (2006) *Литературная культура России. Ранее Новое время*. Москва: Языки славянских культур.
- Смирнов, Евграф Иванович (2017) *История Христианской Церкви*. Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра.
- Федоров, В. (2001) *Православие. Pro et contra*. Санкт Петербург: Издательство Русского Христианского гуманитарного института Санкт-Петербург.

Sažetak

U uvodnom dijelu diplomskog rada spominje se različita uloga Božića i Uskrsa u zapadnom i istočnom kršćanstvu. Božić je jedan od glavnih blagdana zapadnog kršćanstva kao vrijeme dolaska Mesije na zemlju među ljude. S druge strane kod pravoslavlja najvažnijim blagdanom smatra se Uskrs i otkupljenje ljudskih grijeha smrću Isusa Krista. U ruskoj književnosti pridavala se velika pozornost upravo Uskrsu, kao vremenu oprostjenja grijeha, odmicanja od tjelesnog i okretanju ka duhovnom razvitku.

Na rusku književnost veliki utjecaj imala je propovijed mitropolita Ilariona *Slovo o zakone i blagodati* koje je postalo oglednim primjerkom pisanja djela u sklopu žanra uskršnjih priča. *Slovo* je uvelike utjecalo na stvaranje uskršnjeg arhetipa, motiva, likova, događaja, itd. Nakon toga ukoliko se definira žanr uskrsne priče (*pashal'nyj rasskaz*). U navedenom se žanru najčešće govori o preobraćenju duše kao direktnoj posljedici uskrsnuća Kristova. Sam žanr uskrsne priče nije vezan isključivo za Uskrs, nego za cijelo uskrsno razdoblje – za Korizmu, Veliki Tjedan, Uzašašće, Duhove itd. Glavni likovi su raznoliki - od bludnice i grešnika do svetaca i pravednika. Kako bi se priča svrstala pod žanr uskrsne priče potrebno je da se vrijeme radnje odvija u razdoblju Uskrsa te da priča ima poučnu stranu. Početkom žanra uskrsne priče smatra se roman *Božićna priča* Charlesa Dickensa iz 1884. godine. Ruski pjesnik A.S. Homjakov je prilikom prevođenja s engleskog na ruski jezik zamijenio prebacio mjesto radnje u Rusiju, likovi su dobili ruska imena te je Božić zamijenio Uskrsnom što je u potpunosti promijenilo smisao priče. Počevši od 80-ih godina 19. stoljeća žanr se raširio među ruskim pisateljima poput Čehova, Dostojevskog, Tolstoja, Leskova, Bunina i drugih. Čehov je kao dječak odgajan u pravoslavnom duhu, no svoju je vjeru izgubio još u mladosti. U svojim pričama Čehov se držao vlastitog načina pripovijedanja. Njegove priče pune su filozofskih misli, a glavni smisao priče čitatelj pronalazi uz poznavanje biblijskih događanja. Analiza uskrsnih motiva započinje pričom *Student* iz 1894. godine. U toj priči student Ivan vraća se kući sa studija bogoslovije te putem susreće dvije udovice, a nepovoljni vremenski uvjeti direktno odražavaju mračne misli studenta. Student udovicama priča o apostolu Petru te kako je Petar triput zatajio Isusa. Udovice suosjećaju s pričom koja u njima budi duhovnu spoznaju i pokajanje, što se odražava u suzama jednoj od udovica. Također, obraća se pažnja na značenja imena udovica, odnosno provlači se paralela između udovica i biblijskih sestara Marte i Marije. Na taj način se povezuju prošli i sadašnji događaji te se posebno naglašava važnost duhovnog razvitka, a ne materijalnog vlasništva. Potpuni kontrast spoznaji i pokajanju događa se u priči *Vor* u kojoj se pojavljuje razbojnik Fjodor koji je ukrao novac kako bi priskrbio Olgi i sebi

lagodan život. A.P. Čehov i ovu priču započinje opisom prirode kao ogledalom duše glavnog lika Fjodora. U toj se priči povlači paralela između dva razbojnika - Fjodora i Barabajeva te Poncije Pilata i suđenju Isusu. U priči se također pojavljuje ptica kao simbol Fjodorove duše. Ona je nemirna, u lošem stanju, baš kao i Fjodorova duša, koja je puna zlobe i ljubomore. Za razliku od udovica iz prve priče, Fjodor se nije pokajao za svoje grijehе. Za njega je Uskrs samo jedan od dana u godini. Treća priča *Arhierej* koju je Čehov napisao 1902. godine ponešto je drugačija od prve dvije, s obzirom da se radnja priče proteže kroz tjedan prije Uskrsa, a također se uspoređuju događaji na 3 plana: na biblijskom planu, u vrijeme djetinjstva glavnog heroja te u sadašnjosti. Zanimljivo je vidjeti što se događa u unutarnjem svijetu svećenika za vrijeme Uskrsa te kako to razdoblje utječe na njega kao na osobu koja se najčešće smatra bliskom Isusu. U zadnjoj priči *Kazak* vanjski događaji negativno utječu na unutarnji mir glavnog junaka Maksima Torčakova. Razočaran svojim odnosom prema kazaku kojeg su Maksim i žena susreli putem doma, Torčakov se okreće svojim mislima koje ga na kraju uz grižnju savjesti uništavaju te guraju u pijanstvo.

Ključne riječi

A.P.Čehov, *Slovo o zakone i blagodati*, mitropolit Ilarion, propovijed, kršćanstvo, pravoslavlje, žanr uskrsne priče, uskrsna priča, uskrsni motivi, uskrsni arhetip, *Student*, *Vor*, *Arhierej*, *Kazak*

Ключевые слова

А.П.Чехов, *Слово о законе и благодати*, митрополит Иларион, проповедь, христианство, православие, жанр пасхального рассказа, пасхальный рассказ, пасхальность, пасхальный архетип, *Студент*, *Вор*, *Архиерей*, *Казак*